

Рейсбрук Ян ван

Одеяние духовного брака

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян ван Р.**
Одеяние духовного брака / Рейсбрук Ян ван – М.: Книга по Требованию, 2022. –
284 с.

ISBN 978-5-519-80503-2

ISBN 978-5-519-80503-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Многія произведенія болѣе правильно прекрасны, чѣмъ эта книга Рэйсбрука Удивительнаго. Многіе мистики оказываютъ болѣе сильное дѣйствіе и болѣе ко времени, въ ихъ числѣ Сведенборгъ и Новалисъ. Весьма возможно, что его писанія лишь рѣдко отвѣчаютъ современнымъ нуждамъ. Съ другой стороны, я знаю мало авторовъ болѣе неискусныхъ, чѣмъ онъ; порой онъ сбивается на странныя дѣтскости; и первыя двадцать главъ *Одѣянія духовнаго брака*, хотя онѣ и служатъ приготовленіемъ, быть можетъ, необходимымъ, заключаютъ почти только тепловатыя и благочестивыя общія мѣста. Съ внѣшней стороны у него нѣтъ никакого порядка, никакой схоластической логики. Онъ часто повторяется, и иногда кажется, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Онъ соединяетъ невѣдѣніе ребенка съ знаніемъ кого-то, кто вернулся отъ смерти. Онъ обладаетъ какимъ-то судорожно сведеннымъ синтаксисомъ, отъ котораго меня не разъ бросало въ потъ. Онъ вводитъ образъ и забываетъ его. Онъ употребляетъ даже извѣстное количество неосуществимыхъ образовъ; и это явленіе, неестественное въ произведеніи чистосердечномъ, можетъ быть объяснено только его неловкостью или необычайной поспѣшностью. Онъ не знаетъ большей части приемовъ

рѣчи и можетъ говорить только о несказанномъ. Ему неизвѣстны почти всѣ привычки, возможности и средства философской мысли, и онъ принужденъ думать только о немыслимомъ. Когда онъ говоритъ намъ о своемъ маленькомъ иноческомъ садикѣ, ему трудно рассказать удовлетворительно, что тамъ происходитъ; онъ пишетъ тогда, какъ ребенокъ. Онъ берется научить насъ тому, что происходитъ въ Богѣ, и пишетъ страницы, которыхъ Платонъ не могъ бы написать. Повсюду чудовищная несоразмѣрность между знаніемъ и невѣдѣніемъ, между силой и желаніемъ. Не надо ждать произведенія литературнаго; вы не увидите ничего, кромѣ судорожнаго полета опьяненнаго орла, слѣпого и окровавленнаго, надъ снѣжными вершинами. Прибавлю послѣднее слово въ видѣ братскаго предостереженія. Мнѣ случалось читать произведенія, которыя считаются очень темными: *Учениковъ въ Саусъ* и *Фрагменты* Новалиса, на примѣръ; *Biographia litteraria* и *Друга* Самуэля Тейлора Кольриджа; *Тимея* Платона; *Эннеады* Плотина; *О божественныхъ именахъ* св. Діонисія Ареопагита; *Аврору* великаго нѣмецкаго мистика Якова Бѣме, съ которымъ нашъ авторъ имѣетъ много общаго. Я не осмѣливаюсь утверждать, чтобы произведенія Рэйсбрука были темнѣе этихъ произведеній, но менѣе охотно прощаешь имъ ихъ темноту, потому что здѣсь дѣло идетъ о неизвѣстномъ, къ которому мы не имѣемъ довѣрія съ перваго шага. Мнѣ казалось необходимымъ честно преду-

предить праздныхъ прохожихъ на порогъ этого храма безъ архитектуры, ибо этотъ переводъ былъ предпринятъ лишь съ цѣлью удовлетворить немногихъ платониковъ. Я думаю, что всѣ тѣ, которые не провели жизнь въ интимной близости съ Платономъ и неоплатониками Александріи, не подвинутся далеко въ этомъ чтеніи. Имъ покажется, что они вступили въ пустоту; у нихъ получится ощущеніе однообразнаго паденія въ бездонную пропасть между черными и гладкими скалами. Въ этой книгѣ нѣтъ ни обыкновеннаго воздуха, ни свѣта; это духовный приютъ, невыносимый для неподготовленныхъ. Не надо вступать туда изъ литературнаго любопытства; тамъ нѣтъ бездлушекъ, и собиратели образовъ найдутъ ихъ тамъ не болѣе, чѣмъ цвѣтовъ на полярныхъ льдахъ. Я говорю имъ, что это безграничная пустыня, гдѣ они умрутъ отъ жажды. Они найдутъ здѣсь весьма мало фразъ, которыя можно было бы подобрать, чтобы любоваться ими по обыкновенію литераторовъ; здѣсь струи огня или глыбы льда. Не отправляйтесь отыскивать розы въ Исландію. Возможно, что какой-нибудь вѣнчикъ ждетъ васъ между двумя льдинами, бьвають въ самомъ дѣлѣ и у Рэйсбрука странные взрывы, неизвѣстные выраженія, неслыханныя сравненія, но они не вознаградятъ за время, потраченное на то, чтобы такъ издалека придти за ними. Прежде чѣмъ войти сюда, надо быть въ особомъ философскомъ состояніи, столь же отличномъ отъ обыкновеннаго, какъ состо-

яніе бодрствованія отличается отъ сна; и Порфирій въ своихъ *Исходныхъ точкахъ къ умопостигаемому* написалъ какъ бы самое подходящее предисловіе къ этому произведенію: «При посредствѣ разума высказываютъ многое о началѣ, которое выше разума. Но постиженіе этого начала гораздо легче при отсутствіи мысли, чѣмъ при ея посредствѣ. Съ этой идеей бываетъ то же, что съ идеей о снѣ, о которой до извѣстной степени можно говорить въ состояніи бодрствованія, но получить познаніе и воспріятіе которой можно только посредствомъ сна. Въ самомъ дѣлѣ, подобное познается только черезъ подобное, и условіемъ всякаго познанія служитъ то, чтобы субъектъ сталъ подобенъ объекту». Повторяю, весьма трудно понять это безъ приготовленія; и я думаю, что, несмотря на наши приготовительныя усилія, этотъ мистицизмъ покажется намъ въ значительной долѣ чисто теоретическимъ, и большая часть этихъ опытовъ сверхъестественной психологіи будетъ намъ доступна лишь какъ зрителямъ. Философское воображеніе есть способность, крайне медленно развиваемая. Здѣсь мы вдругъ оказываемся у предѣловъ человѣческой мысли и далеко по ту сторону полярнаго круга ума. Тутъ необыкновенно холодно; тутъ необыкновенно темно, а между тѣмъ, вы не найдете здѣсь ничего другого, кромѣ языковъ пламени и свѣта. Но для тѣхъ, которые приходятъ, не приучивъ свою душу къ этимъ новымъ воспріятіямъ, этотъ свѣтъ и эти языки пламени такъ же темны и

такъ же холодны, какъ если бы они были нарисованы. Дѣло идетъ здѣсь о самой точной изъ наукъ. Здѣсь дѣло въ томъ, чтобы пройти мысы, самые суровые и необитаемые, божественнаго «Познай самого себя», и полночное солнце царить надъ зыбкимъ моремъ, гдѣ психологія человѣка смѣшивается съ психологіей Бога. Важно вспоминать объ этомъ непрестанно; дѣло идетъ здѣсь объ очень глубокой наукѣ, а не о снѣ. Сны не бываютъ единогласны, сны не имѣютъ корней, между тѣмъ какъ раскаленный цвѣтокъ божественной метафизики, распустившійся здѣсь, имѣетъ свои таинственные корни въ Персіи и въ Индіи, въ Египтѣ и въ Греціи. А между тѣмъ, онъ кажется безсознательнымъ, какъ цвѣтокъ, и не знаетъ о своихъ корняхъ. Къ несчастью, намъ почти невозможно поставить себя въ положеніе души, которая безъ усилій постигла эту науку; мы не можемъ воспринять ее *ab intra* и воспроизвести въ насъ самихъ. У насъ недостаетъ того, что Эмерсонъ назвалъ бы «центральной самопроизвольностью». Мы уже не можемъ превратить эти идеи въ нашу собственную сущность; и самое большее, что мы можемъ, — признать извнѣ эти чудесные опыты, доступные лишь очень небольшому числу душъ въ предѣлахъ существованія одной планетной системы. «Незаконно, — говоритъ Плотинъ, — справляться, откуда происходитъ это интуитивное знаніе, какъ если бы это было нѣчто, зависящее отъ мѣста и движенія, ибо это не приближается отсюда и не

исходитъ оттуда, чтобы направиться въ инныя мѣста; но это или является, или не является вовсе. Такъ что не надо слѣдовать за нимъ, въ намѣреніи открыть его тайные источники, но слѣдуетъ ждать въ безмолвіи, пока оно не засіяетъ внезапно надъ нами, приготовляясь къ священному зрѣлищу, какъ глазъ терпѣливо ждетъ восхода солнца». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Не при посредствѣ воображенія или разсужденія, которое само вынуждено извнѣ заимствовать свои начала, представляемъ мы себѣ умопостигаемое (то-есть то, что находится тамъ вверху): это возможно только при посредствѣ имѣющейся у насъ способности созерцать его;—способности, которая позволяетъ намъ говорить о немъ здѣсь. Итакъ мы видимъ, пробуждая въ себѣ здѣсь ту же силу, которую мы должны пробудить въ себѣ, когда находимся въ мірѣ умопостигаемомъ. Мы подобны человѣку, который, влѣзши на вершину скалы, охватилъ бы взоромъ предметы невидимые для тѣхъ, которые не поднялись съ нимъ». Но, хотя всѣ существа, отъ камня и растенія до человѣка, не что иное, какъ созерцанія, это—созерцанія безсознательныя, и намъ весьма трудно найти въ себѣ какое-нибудь воспоминаніе о предшествующей дѣятельности этой умершей способности. Тутъ мы уподобляемся глазу въ неоплатоническомъ образѣ: «онъ удаляется отъ свѣта, чтобы видѣть мракъ, и вслѣдствіе этого не видитъ; ибо онъ не можетъ видѣть мрака при свѣтѣ и, однако, безъ

него онъ не видитъ; такимъ образомъ, не видя, онъ видитъ темноту, насколько по своей природѣ онъ способенъ ее видѣть».

Я знаю сужденіе, которое большая часть людей произнесутъ объ этой книгѣ. Они увидятъ въ ней произведеніе галлюцинирующаго монаха, угрюмаго отшельника и пустынника, опьяненнаго постомъ и снѣдаемаго лихорадкой. Они увидятъ въ ней мечту безумную и мрачную, пронизанную яркими молніями, и ничего больше. Таково обыкновенное мнѣніе, которое составляютъ себѣ о мистикахъ; и слишкомъ часто забываютъ, что полнота достовѣрности только въ нихъ. Сверхъ того, если вѣрно, какъ говорятъ, что всякій человѣкъ въ своихъ снахъ—Шекспиръ, слѣдовало бы спросить себя, не есть ли всякій человѣкъ въ своей жизни безотчетный мистикъ, тысячу разъ болѣе трансцендентальный, чѣмъ всѣ тѣ, которые ограничили себя словеснымъ выраженіемъ. Есть ли такой человѣческій поступокъ, котораго послѣдняя движущая сила не была бы мистической? И взоръ любовника или матери, на примѣръ, не въ тысячу ли разъ онъ темнѣе, непроницаемѣе и мистичнѣе, чѣмъ эта книга, бѣдная и объяснимая, въ концѣ концовъ, какъ всѣ книги, которыя всегда—только мертвыя тайны, горизонтъ которыхъ болѣе не раздвигается? Если мы не понимаемъ этого, то, можетъ быть, потому, что не понимаемъ болѣе ничего. Но, чтобы вернуться къ нашему автору,—нѣкоторые признаютъ безъ труда, что

этотъ монахъ, далекій отъ безумія, порождаемаго голодомъ, одиночествомъ и лихорадкой, обладалъ, наоборотъ, одной изъ наиболѣе мудрыхъ, точныхъ и тонкихъ философскихъ организацій, которыя когда-либо существовали. Онъ жилъ, скажутъ намъ, въ своей Грунендальской хижинѣ, посреди Суаньскаго лѣса. Это было въ началѣ одного изъ самыхъ дикихъ столѣтій средневѣковья: четырнадцатаго. Онъ не зналъ греческаго языка и, можетъ-быть, латинскаго. Онъ былъ одинокъ и бѣденъ. А между тѣмъ, въ глубинѣ этого темнаго брабантскаго лѣса душа его, неученая и простая, получаетъ, сама того не вѣдая, ослѣпительные отблески всѣхъ одинокихъ и таинственныхъ вершинъ человѣческой мысли. Онъ знаетъ, не подозрѣвая того, платонизмъ Греціи; онъ знаетъ суфизмъ Персіи, браманизмъ Индіи и буддизмъ Тибета; и его удивительное невѣдѣніе отыскиваетъ мудрость вѣковъ погребенныхъ и провидитъ знаніе вѣковъ, еще не родившихся. Я могъ бы привести цѣлыя страницы изъ Платона, Плотина, Порфирія, изъ книгъ Зендскихъ, изъ гностиковъ и изъ Каббалы, почти божественная сущность которыхъ неприкосновенно повторяется въ писаніяхъ скромнаго фламандскаго священника *). Встрѣчаются

*) Я дамъ здѣсь только одинъ примѣръ этого, элементарный въ двоякомъ значеніи слова. Рэйсбрукъ различаетъ три рода жизни: жизнь дѣятельную, жизнь внутреннюю и жизнь сверхъестественную. Гностики различаютъ духъ, душу и жизнь матеріальную и раздѣляютъ людей на три класса: пневматическихъ или духовныхъ, психическихъ или душевныхъ и гилическихъ

здѣсь странныя совпаденія и единогласія тревожащія. Болѣе того: временами кажется, что онъ въ точности имѣлъ въ виду большую часть своихъ невѣдомыхъ предшественниковъ; и подобно тому, какъ Плотинъ начинаетъ свое суровое странствіе съ того распутия, гдѣ уstraшенный Платонъ остановился и опустилсѣ на колѣни, можно сказать, что Рэйсбрукъ разбудилъ, послѣ многовѣкового покоя, если не извѣстный родъ мысли, ибо этотъ родъ мысли никогда не дремлетъ, то извѣстнаго рода слово, уснувшее на горахъ, гдѣ ослѣпленный Плотинъ его покинулъ, закрывая руками глаза, какъ передъ безмѣрнымъ пожаромъ.

Но организація ихъ мысли странно различна. Платонъ и Плотинъ, прежде всего,—князья діалектики. Они приходятъ къ мистицизму черезъ науку разсужденія. Они пользуются своей душой разсуждающей и какъ бы не довѣряютъ своей душѣ интуитивной или созерцательной. Ихъ разсужденіе созерцаетъ себя въ зеркалѣ разсужденія и старается оставаться равнодушнымъ къ вторженію всѣхъ другихъ отраженій. Оно продолжаетъ свое теченіе, какъ потокъ прѣсной воды среди моря, съ предчувствіемъ близкаго поглощенія. Здѣсь же мы находимъ

или матеріальныхъ. Плотинъ выдѣляетъ равнымъ образомъ въ душѣ: субъектъ познанія, душу разумную и животную природу. Зохаръ различаетъ духъ, душу и жизнь чувствъ; и въ обѣихъ системахъ, какъ и у Рэйсбрука, отношеніе трехъ началъ объясняется *исхожденіемъ*, уподобляемымъ *излученію*; потомъ теорія божественной встрѣчи: Богъ, приходящій въ насъ изнутри кованъ, мы, идущіе къ Нему извнѣ во-внутрь, и т. д. См. также 5-ю Эннеаду, и т. д.

наоборотъ, привычки азіатской мысли; интуитивная душа царитъ одна надъ діалектическимъ очищеніемъ идей при посредствѣ словъ. Оковы мечты спали. Развѣ это менѣе вѣрно? Никто не сумѣлъ бы этого сказать. Зеркало человѣческаго разумѣнія совершенно неизвѣстно въ этой книгѣ, но существуетъ другое зеркало, болѣе темное и глубокое, которое мы таимъ въ самой сокровенной глубинѣ нашего существа; ни одна подробность не видна въ немъ явственно, и слова не могутъ держаться на его поверхности; мысль разбила бы его, если бы на мгновеніе отразила въ немъ свой грубый свѣтъ; но нѣчто другое показывается въ немъ по временамъ. Не душа ли это? не самъ ли Богъ? или Онъ и она вмѣстѣ? Этого никогда не узнаютъ; и, однако, эти почти невидимыя явленія—единственные дѣйствительные власти жизни наиболѣе невѣрующаго и слѣпого среди насъ. Здѣсь вы не увидите ничего иного, кромѣ неясныхъ отсвѣтовъ этого зеркала; и такъ какъ его сокровище неисчерпаемо, эти отсвѣты не похожи ни на одинъ изъ испытанныхъ нами въ насъ самихъ; и несмотря на все, ихъ достовѣрность кажется необычайной. И вотъ почему я не знаю ничего болѣе пугающаго, чѣмъ эта книга, написанная отъ добраго сердца. Нѣтъ въ мірѣ ни одного психологическаго понятія, метафизическаго опыта, мистическаго постиженія, которыхъ, какъ бы они ни были темны, глубоки и неожиданны, мы не могли бы, въ случаѣ надобности, воспроизвести и заставить прожить въ насъ